ЎГРЕДІГЛІГ ПІЧІКТЕР

XXI

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ХАКАСИЯ

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

"НАУКА"
НОВОСИБИРСК

УГРЕДІГ МИНИСТЕРСТВОЗЫ РФ
ТІЛНІҢ, ЛИТЕРАТУРАНЫҢ, ПАЗА ИСТОРИЯНЫҢ, ХАКАСИЯДАҒЫ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЙ ИНСТИТУДЫ

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
ХАКАССКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА,
ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

УГРЕДІГ МИНИСТЕРСТВОЗЫ РФ
ТІЛНІҢ, ЛИТЕРАТУРАНЫҢ, ПАЗА ИСТОРИЯНЫҢ, ХАКАСИЯДАҒЫ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЙ ИНСТИТУДЫ

ҮГРЕДІГЛІГ ПІЧІКТЕР

Сығарыс XXI

ХАКАСИЯ
ТАРХЫН ПАЗА АМҒЫ
ТУС

Нандырығлығ редактор
В.Н. Тугужекова

"НАУКА"
НОВОСИБИРСК
2000

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
ХАКАССКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

Выпуск XXI

ХАКАСИЯ
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Ответственный редактор
доктор исторических наук *В.Н. Тугужекова*

"НАУКА"
НОВОСИБИРСК
2000

ББК 63.3 + 63.4 + 65
УДК 902.2 + 93 + 33
Х16

Рецензенты

кандидат исторических наук *Э.А. Сагалаков*
кандидат исторических наук *Н.М. Важова*

Авторский коллектив

П.П. Бурнаков, Н.М. Важова, А.И. Готлиб, В.С. Зубков, Д.М. Карачаков, И.К. Кидиекова, В.В. Клинников, Т.Д. Круглова, И.Л. Кызласов, Л.Р. Кызласов, Ю.Г. Кустова, Е.П. Мамышева, Г.М. Покоякова, М.Л. Подольский, Л.К. Субракова, В.А. Табаев, В.Н. Тугужекова, А.Е. Тюдишев, С.А. Угдыжеков, Ю.С. Худяков, А.П. Шекшеев, В.К. Шулбаев

Редакционная коллегия

д-р ист. наук **В.Н. Тугужекова** (ответственный редактор),
канд. ист. наук **Д.М. Карачаков,** канд. экон. наук **В.К. Шулбаев,**
канд. ист. наук **В.С. Зубков**,
канд. ист. наук **Е.П. Мамышева** (ответственный секретарь)

Утверждено к печати Ученым советом
Хакасского научно-исследовательского института языка,
литературы и истории

Х16 Хакасия: История и современность. — Новосибирск: Наука, 2000. — 190 с. — (Учен. зап. Хакас. науч.-исслед. ин-та языка, литературы и истории; Вып. XXI).
ISBN 5—02—031825—6.

В сборнике рассмотрены некоторые научные проблемы археологии, истории, этнографии, экономического развития Хакасии.
Для историков, этнографов, экономистов.

УДК 902.2 + 93 + 33
ББК 63.3 + 63.4 + 65

ТП —99 —I —№ 49

© Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, 2000
© Оформление. "Наука". Сибирская издательская фирма РАН, 2000

ISBN 5—02—031825—6

Е.П. МАМЫШЕВА

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТЕПНЫХ ДУМ В ХАКАСИИ (1822—1892 гг.)

Административная реформа в Сибири М.М. Сперанского явилась первой попыткой целостного подхода самодержавия к управлению обширным сибирским краем. Предпосылкой проведения реформы послужили огромные злоупотребления сибирской администрации. М.М. Сперанский был назначен сибирским генерал-губернатором 28 марта 1819 г. Ему поручалось "...обозреть все части генерал-губернаторства" и "...сообразить на месте полезнейшее устройство сего отдаленного края"[1]. В это же время М.М. Сперанский приступил к разработке преобразований в Сибири.

Для рассмотрения результатов ревизии и преобразовательных проектов Сибирского генерал-губернаторства после возвращения Сперанского в столицу по Высочайшему повелению в июле 1821 г. в Петербурге был образован Сибирский комитет, в котором следовало сосредоточить все имеющиеся в правительстве сведения о Сибири[2].

Просуществовав до 1838 г., первый Сибирский комитет за этот период рассмотрел ряд законодательных актов, в том числе "Учреждение для управления Сибирской губернией", которое регламентировало административно-территориальное деление и устройство государственных учреждений края.

Согласно Учреждению, Сибирь была разделена на два генерал-губернаторства: Западно-Сибирское с центром в Тобольске и Восточно-Сибирское с центром в Иркутске. В составе первого выделялись

© Мамышева Е.П., 2000

Омская, Томская и Тобольская губернии; в составе второго — Иркутская, Енисейская губернии, а также Якутское, Охотское, Камчатское, Приморское и Троице-Савское пограничные управления. Губернии и области подразделялись на округа, а округа — на волости и инородные управы. Вследствие этого, управление Сибири состояло из четырех степеней: губернского, окружного, волостного и инородческого. Последнее учреждалось среди народностей Сибири. Его основные положения были выражены в "Уставе об управлении инородцев"[3].

Согласно Уставу, коренное население Сибири подразделялось на три разряда: оседлые, кочевые, бродячие. При определении разряда основным критерием был вид хозяйственной деятельности. К разряду оседлых Устав относил народы, живущие в городах и селениях, основным занятием которых было земледелие и торговля[4]. Оседлые аборигены приравнивались к сословию государственных крестьян, сравнивались с ним во всех правах и обязанностях. Они группировались в инородческие волости или приписывались к ближайшей русской деревне или волости.

Разряд кочевых составляли коренные жители, ведущие полукочевой образ жизни, "...занимающие определенные места, по временам года переменяемые". Кочевые народы с полуоседлым образом жизни сравнивались в налоговом обложении с сословием государственных крестьян, сохраняя самостоятельность в управлении и суде. Кочующие инородцы, так же как и крестьяне, выполняли общие по губерниям повинности. От крестьян их отличала лишь уплата ясака.

Третью группу составляли бродячие инородцы, или ловцы, переходящие с одного места на другое по рекам и урочищам.

Правительственная позиция в отношении хозяйственного развития народов была определена стремлением обеспечить высокую доходность и устойчивость "...инородческих племен, в связи с чем в Уставе предусматривалось наделение землей аборигенов всех разрядов"[5]. За оседлыми закреплялись те земли, которыми они владели "по древним правилам", по праву первоначального заселения.

Вопросы владения землей у кочевых разрешались по аналогии с оседлыми жителями. "Кочующие инородцы для каждого поколения имеют назначенные во владение земли".

В отношении прав бродячих аборигенов в Уставе говорилось, что на них распространяются "правила для кочующих, постановленные с незначительными дополнениями".

Устав давал определенные привилегии народам Сибири в отношении воинской повинности: они освобождались от рекрутчины.

Конечной целью Устава был постепенный перевод кочевых и охотничьих народов в категорию оседлых, т.е. приравнивание "инородцев к русскому населению Сибири". Этому и должна была служить разрядная система, предусматривавшая перевод кочевых и бродячих народов из разряда в разряд в зависимости от их успехов в хо-

зяйственном развитии. "Позволяется кочующим, если которые из них водворятся оседло по собственной воле, вступать в сословие государственных крестьян, ровно в городовые жители и записываться в гильдии"[6]. Перевод из одного разряда в другой приурочивался к очередной ревизии. Вместе с тем в Уставе подчеркивалось, что инородцы "без собственного их желания не будут включаться в какое другое сословие".

Перевод инородцев в разряд оседлых преследовал защиту финансовых интересов государства, так как он сопровождался возведением в более высокий оклад государственных крестьян. Постепенный переход бродячих и кочевых племен в оседлые был основан на успехах в хлебопашестве, а распространение земледелия в хозяйстве коренного населения уже само по себе было положительным явлением.

По "Уставу об управлении инородцев" хакасы как исконные скотоводы были отнесены к разряду кочевых. Основной административной единицей объявлялся род.

Административный род XIX в. создавался искусственно и не соответствовал понятию кровного рода — сеока: являясь территориальным новообразованием, он фактически включал в себя потомков различных древних сеоков.

В течение XIX в. традиционная форма социально-этнического разделения по сеокам еще сохранялась наряду с административно-родовым делением хакасов[7]. Сеоки, многие из которых были образованы задолго до присоединения к России, вели свою генеалогию по мужской линии и отождествлялись с кровно-родственным образованием[8]. Население Хакасии разделялось более чем на 150 сеоков. Последние, если были многочисленными, становились основой для создания административных родов, а иногда, объединяясь с крупными, оставались незамеченными сибирской канцелярией.

На территории, занимаемой хакасами, включенной в состав Минусинского и Ачинского округов новообразованной Енисейской губернии, были учреждены степные думы: Качинская, Койбальская, соединенных разнородных племен и Кызыльская.

Действие "Устава об управлении инородцев" в Енисейской губернии началось с распоряжения местной администрации о переводе документа на языки местных народов. Енисейский гражданский губернатор А.П. Степанов разослал вновь назначенным по Уставу начальникам всех татарских родов копии Устава, печати и, кроме того, свое Наставление[9].

А.П. Степанов как гражданский губернатор прилагал все усилия к тому, чтобы ограничить вмешательство царских властей в жизнь коренных народов, способствовал созданию у них органов самоуправления в соответствии со степными обычаями. "Чем свободнее люди действуют, тем удобнее могут приобретать для себя и выгоды,

и спокойствие", — писал он, обращаясь к хакасам[10]. Да и сами степные думы создавались исключительно по его настоянию, по существу, в обход "Устава об управлении инородцев" (указ предусматривал их организацию лишь у бурят), для чего от хакасов пришлось собрать "приговоры, утвержденные рукоприкладством и печатями князцов" с просьбой об учреждении у них степных дум "по образцу забайкальских". На основе этих приговоров в Енисейском губернском совете вынесли соответствующее решение, утвержденное затем восточносибирским генерал-губернатором. Создав таким образом степные думы в Хакасии, А.П. Степанов, обходя рамки Устава, стал расширять их права, придавая думам не только хозяйственные, но также административно-судебные функции, в какой-то степени передавая им прерогативы судебных органов. Так, в своем "Наставлении Степной думе койбальских племен" он утверждал, что царь "Учреждением своим сибирским краем даровал вам полную свободу судить самим ваших людей по вашим законам и обычаям. Доселе вы принуждены были по делам своим хлопотать по судам, не зная ни законов, ни языка русского, доселе с унижением и трепетом стаивали вы по целым неделям и месяцам на крыльях наших судилищ, но ныне ваши дела должны разбираться в улусах родоначальника, и князцы кругом огня в юртах своих или под небом чистым судят на родном языке по правам предков, как отцы, как старшие братья своих родовичей"[11].

По его мнению, суд по законам и обычаям предков был более действенным и только он мог удерживать воров и нарушителей порядка от преступных действий.

Все думы непосредственно подчинялись минусинскому окружному начальнику и енисейскому губернатору. Без их утверждения любое думское решение было недействительным, в том числе и избрание родоначальников и старост. Так, например, в письме общего управления Енисейской губернии от 20/IX 1824 г., адресованном родоначальнику койбальских единородных племен Кочелорову подчеркивалось: "Так как ты по новому званию есть председатель Степной думы, то предписываю тебе с получением сего вступить в отправление твоей должности... В думе есть князцы или головы твоих улусов, когда соберешь ты в первый раз Степную думу, то сообщи, где соберешь"[12].

Степная дума была высшей ступенью управления хакасов. В соответствии с Наставлением, в компетенцию Степной думы входили такие вопросы, как "народоисчисление, раскладка сборов, правильный учет всех сумм и общественных имуществ, распространение народной промышленности".

Степные думы состояли из родоначальника и избранных заседателей, количество которых зависело от принятого обычая или решения родовичей.

Согласно Уставу, степные думы полицейско-судебных функций не имели. Основной их обязанностью должна была быть забота о хозяйственном развитии объединяемых родов. Думы вели учет населения, его имущества. Пользуясь собранными данными, им надлежало определять доли общественных повинностей при распределении их между административными родами (Ст. 119)[13]. В отличие от управ, думы не подчинялись полицейским органам, сносясь непосредственно с общим окружным управлением и через него с вышестоящими губернскими организациями. Перед царскими властями думы могли ходатайствовать об удовлетворении нужд кочевого населения. Степные думы, получив данные о необходимых сборах, делали раскладки на родовые управления в соответствии с их составом и возможностями (Ст. 309)[14].

Работа Думы начиналась с найма письмоводителя и избрания казначея "...для хранения общественных сумм"[15].

Чтобы выполнять возложенные на Думу обязанности, избирались члены Думы, в состав которых входили родоначальник, два заседателя и старосты или князцы от всех родов или улусов, причем каждый староста имел собственную печать, которой заверялось каждое решение или приговор Думы. Ни один из членов Думы не получал жалованья, а родоначальник не обязан был находиться в Думе каждый день. Заседатели работали по очереди, с их участием совершались все сделки и разбирательства, с которыми люди обращались в Думу. Многим работа в Думе была в тягость, и при первой возможности они оставляли свои посты. К примеру, отзыв родоначальника Степной думы Чертыкова был связан с его личным отказом. Он писал в Думу: "Относя сию должность больше года, претерпеваю по хозяйству большой ущерб, как через отлучки от оного, так и по одиночеству, и в особенности по болезненному положению моего семейства"[16].

На думы возлагалась обязанность следить за правопорядком в улусах и их санитарным состоянием, а также за поведением сородичей в русских селениях.

Приказом родоначальника Степной думы соединенных разнородных племен предписывалось старостам улусов строго следить, чтобы "они не смели курить в трубках табак, делать где-нибудь ссоры, драки, буйства, пьянство и тому подобное... в противном случае за неисполнение по сему подвергать исправительному полицейскому наказанию по распоряжению участковых заседателей"[17]. В русских же селениях инородцы могли проживать только после выдачи Думой билета, за который необходимо было заплатить 5 р.

"Число жителей необходимо знать для того, — говорилось далее в Наставлении, — что может случиться голод — необходимо по числу людей делить продовольствие, могут случаться болезнь и мор — необходимо по числу людей принять меры к спасению"[18]. В Наставлении звучал призыв к объединению в улусы, так как "когда несколько

семейств соединяются в один улус, то помогают друг другу в трудах своих, бедные трудятся для богатых, богатые питают и снабжают всем, что нужно"[19]. Все эти цели, по Наставлению, делали необходимым сбор повинностей. Размер повинностей назначался на три года всей Думе, а уже на месте определялась сумма для каждого улуса. Общественное имущество Думы состояло из земель и сумм, собираемых с жителей и нанимателей на работу за оформление документов, разбор жалоб и т.д.

Устав предусматривал также порядок сборов податей и повинностей с инородцев. Существовало три вида сборов: казенные подати, земские повинности, повинности внутренние на содержание степного управления. Гражданский губернатор составлял в сентябре подробное расчисление сборов на следующий год, которое затем с пояснениями представлялось на утверждение местных главных управлений, а по получении разрешения отсылалось в казенные палаты, а потом в степные думы (Ст. 306—308)[20]. Последние, получив расчисление, делали раскладки на родовые управления с учетом количества населения и их возможностей. Родовое управление в свою очередь назначало каждому семейству определенную сумму в соответствии с успехами в промыслах и состоянием каждого (Ст. 310)[21]. Взыскание недоимок с инородцев могло производиться методом убеждения, задержанием старосты, его сына или ближнего родственника, задержанием части звериных шкур, привезенных на ярмарку для продажи.

Проведение Устава в качестве правительственного законоположения было первым шагом по пути хотя бы некоторого оживления самоуправления в жизни народов Сибири. А.П. Степанов писал, что благодаря Уставу "улучшилось совершенно состояние татар". "Постигая в настоящее время свои соотношения к правительству, свои права и обязанности, свободный в вероисповедании, в отправлении судных своих дел по степным обычаям, платя малую часть от своих прибытков в казну государственную, избавленный от рекрутской и всякой личной повинности, имея свободную волю поступать в другое сословие и учреждать училища — кочевой народ этот не может не питать священных чувств благодарности к незримому, но милосердному благотворителю их дел"[22].

Для обсуждения важных вопросов в думы регулярно приглашались представители, уполномоченные улусными обществами. Так, например, в июне 1877 г. в Степной думе соединенных разнородных племен собрались родовые старосты 12 родов с целью рассмотрения вопроса об изменении степных законов и обычаев инородцев. После обмена мнениями участники собрания пришли к выводу о том, что "разбирательство между кочующими инородцами в настоящее время совершенно соответствует правилам нашего народа"[23]. Они отметили, что инородцы хотя и начинают присоединяться к управлению,

существующему на общих законах Империи, но так как в них "царствует наследственная огрубелость, переходящая от предков, то меры взысканий, налагаемые за проступок общими законами на них действовать не будут"[24]. Родовичи посчитали, что "ввести порядок управления в кочующем народе можно будет только в то время, когда в народе этом воцарится образование, утратятся предания и изменятся обычаи"[25].

Родоначальники обратились к губернским властям с просьбой "Устав об управлении инородцев" признать полезным, оставить его в своей силе и без всяких изменений до более удобного времени.

Тем не менее частное перемещение населения внутри инородческих ведомств и за их пределы привело к тому, что родовое административное деление перестало соответствовать фактическому расселению хакасов. Также значительно ослабла общая зависимость между родами, наличие которой являлось условием образования степных дум. Все эти обстоятельства и привели к тому, что со временем степные думы были заменены инородческими управами. В 1858 г. была упразднена Койбальская степная дума и в основном включена в состав Сагайской, а в 1864 г. вместо Качинской степной думы образована Абаканская инородческая управа.

Изменения, внесенные в Устав М.М. Сперанского, а также реорганизация некоторых дум в инородческие управы способствовали созданию в 1892 г. нового закона под названием "Положение об инородцах"[26]. В ноябре 1892 г. вышло предписание иркутского генерал-губернатора за № 85 об упразднении степных дум на территории Енисейской и Иркутской губерний и учреждения вместо них инородческих управ. На основании этого предписания Минусинское окружное полицейское управление приняло решение о ликвидации Степной думы соединенных разнородных племен и образовании вместо нее Аскизской управы[27]. Последней была образована Кызыльская инородческая управа Ачинского округа.

Таким образом, созданные в соответствии с "Уставом об управлении инородцев" степные думы хакасов сыграли положительную роль в общественно-политическом развитии народа. По свидетельству Л.Я. Штернберга, в 1822 г. «...правительство в лице Сперанского впервые вмешалось в дело самоуправления инородцев, издав "Устав". Бывали случаи вмешательства и очень сильного и раньше, но то вмешательство не законодательного характера, а, так сказать, злоупотребительного. Но вмешательство Сперанского было благожелательное. В действительности, был лишь узаконен существовавший порядок, подчинив его, правда, надзору администрации»[28].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]*Дамешек И.Л.* Сибирская административная реформа Сперанского 1822 года // Байкальская историческая школа: Проблемы региональной истории. — Иркутск, 1994. — Ч. 1. — С. 164.

[2]Там же.

[3]См. подробнее: *Мурзина А.И.* Реформа М.М. Сперанского в Западной Сибири // Учен. зап. Ленингр. ун-та. — 1959. — Вып. 1. — С. 101—116; *Парусов А.П.* Ревизия и реформа аппарата управления в Сибири в 1819—1822 гг. // Учен. зап. Горьков. ун-та. —1964. — Вып. 72, т. 1. — С. 41—92; *Светличная Л.И.* "Устав об управлении инородцев" М.М. Сперанского (1822 г.) // Учен. зап. Тюмен. пед. ин-та. — 1957. — Вып. 1. — С. 53—79; *Хоч А.А.* Административная политика М.М. Сперанского в Сибири и "Устав об управлении инородцев" // Вестн. МГУ. Сер. 8, История. — 1990. — № 5. — С. 40—49.

[4]*Демидов В.А., Демидов В.В., Познанский В.С.* Народы Сибири: На путях интернационализма. — Новосибирск: Новосиб. ун-т, 1990. — С. 12.

[5]*Устав* об управлении инородцев в Сибири. — Петергоф, 1822. — С. 5/ГАКК.

[6]Там же. — С. 18.

[7]*Бутанаев В.Я.* Хакасы // Сибирь: Этносы и культуры (Народы Сибири в XIX в.). — М.; Улан-Удэ, 1995. — Вып. 1. — С. 131.

[8]Там же.

[9]*ЦГАРХ*, ф. И-1, оп. 1, д. 1, л. 1.

[10]Там же, ф. 1, оп. 1, д. 38, л. 34.

[11]Там же.

[12]Там же, ф. И-1, оп. 1, д. 1, л. 1.

[13]*Устав* об управлении инородцев... — С. 37.

[14]Там же. — С. 44.

[15]*ЦГАРХ*, ф. И-1, оп. 1, д. 13, л. 17.

[16]Там же, д. 3, л. 37.

[17]Там же, ф. И-2, оп. 1, д. 1411, л. 9.

[18]Там же.

[19]Там же.

[20]*Устав* об управлении инородцев... — С. 43.

[21]Там же.

[22]*Степанов А.П.* Енисейская губерния. — Красноярск: "Горница", 1997. — С. 126.

[23]*ЦГАРХ*, ф. И-2, оп. 1, д. 1202, л. 4.

[24]Там же.

[25]Там же.

[26]*Положение* об инородцах // Законодательные акты Российской империи. — Горно-Алтайск, 1994. — С. 17—37.

[27]*ЦГАРХ*, ф. И-2, оп. 1, д. 1412, л. 7—8.

[28]Цит. по: *Штернберг Л.Я.* Буряты // Формы национального движения в современных государствах. — СПб., 1910. — С. 608.

СОДЕРЖАНИЕ

Тугужекова В.Н. К истории становления и развития Хакасского НИИЯЛИ (1944—1999) 5

АРХЕОЛОГИЯ

Кызласов Л.Р. Сибирское манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии 12

Зубков В.С. Опыт реконструкции социально-родовой структуры тагарского общества (по материалам могильника Белый Яр I). . 37

Подольский М.Л. О преемственности древних скотоводческих культур Хакасии (археологическая модель). 49

Худяков Ю.С. Таштыкский поминальник у горы Тепсей 60

ИСТОРИЯ И ЭТНОГРАФИЯ

Кустова Ю.Г. Традиционная хакасская колыбель 74

Угдыжеков С.А. Опыт реконструкции системы родства кыргызов (VIII—XIII вв.) 78

Табаев В.А. Хозяйство хакасов по сведениям западноевропейских ученых-путешественников XVIII в. 87

Мамышева Е.П. О деятельности степных дум в Хакасии (1822—1892 гг.) 93

Кидиекова И.К. Об изобразительном языке скульптора И.Н. Карачаковой 101

Карачаков Д.М. О противоречивом характере социальных последствий промышленного освоения для коренных народов Сибири . 104

ЭКОНОМИКА

Тюдишев А.Е. Экономическая наука и экономическая политика: некоторые актуальные аспекты 110

Бурнаков П.П. Тенденции экономического развития России и Хакасии в 1991—1997 гг. 120

Покоякова Г.М. Логика государственного регулирования рыночной экономики 126

Субракова Л.К. Региональная инвестиционная политика в условиях кризиса. 130

Шулбаев В.К. Научное обеспечение экономического развития Республики Хакасия 134

Важова Н.М., Круглова Т.Д., Клинников В.В. О гуманитарной подготовке инженеров в Республике Хакасия 137

ЮБИЛЕИ

Леониду Романовичу Кызласову — 75 лет (*В.Н. Тугужекова*) 145
Список опубликованных работ профессора Л.Р. Кызласова (составитель *И.Л. Кызласов*) 148

ПЕРСОНАЛИИ

Валентин Абрамович Асочаков (1930—1995) (*А.П. Шекшеев*) 164
Яков Иванович Сунчугашев (1926—1996) (*В.С. Зубков*) 170
Гавриил Гаврилович Котожеков (1942—1998) (*А.И. Готлиб, В.С. Зубков*). 175
Список опубликованных работ Г.Г. Котожекова 179
Кузьма Михайлович Патачаков (1922—~~1999~~) (*В.А. Табаев*). 181
Дополнение к "Хронологическому указателю опубликованных работ и рукописей К.М. Патачакова" 184
Список сокращений 185
Сведения об авторах 186

Научное издание

ХАКАСИЯ
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Редактор *Н.С. Дерябина*
Художественный редактор *Л.В. Матвеева*
Художник *И.С. Попов*
Технический редактор *Н.М. Остроумова*
Корректоры *С.М. Погудина, Л.А. Щербакова*
Оператор электронной верстки *В.Е. Селянина*

ЛР № 020297 от 23.07.97. Сдано в набор 02.08.2000. Подписано в печать 01.11.2000.
Бумага офсетная. Формат 60 × 90$^{1}/_{16}$. Офсетная печать. Гарнитура Таймс ЕТ. Усл. печ. л. 12,0. Уч.-изд. л. 13,6.
Тираж 606 экз. Заказ № 286.

Наука. Сибирская издательская фирма РАН.
630099, Новосибирск, ул. Советская, 18.
Оригинал-макет изготовлен на настольной издательской системе.
СП "Наука" 630077, Новосибирск, ул. Станиславского, 25.